

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141
УДК 316(257)(045)

Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы

Д.В. Ульянов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье описывается, каким образом с помощью социально-конструкционистских (в том числе, дискурсивных) практик осуществляются технологии конструирования социальной реальности. Для создания социальных конструкций применяются дискурсивные практики, в первую очередь концепты. Концепты могут приобретать характер идеологических структур, например для убеждения многочисленных групп населения в правильности каких-либо идей. Одним из самых известных примеров дискурсивных практик и других социально-конструкционистских приемов в XX в. стал Франкфуртский институт социальных исследований (известный как Франкфуртская школа).

Ключевые слова: социальный конструкционизм; дискурсивные практики; концепты; репрессивная мораль; одномерный человек; авторитарная личность; фашизм; теория коммуникативного действия; Франкфуртская школа

Для цитирования: Ульянов Д.В. Анализ социального конструкционизма на примере Франкфуртской школы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):137-141. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141

ORIGINAL PAPER

Analysis of Social Constructionism on the Example of the Frankfurt School

D.V. Ulianov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the description of the processes in which the technologies of constructing social reality occur with the help of socio-constructionist (including discursive) practices. Discursive practices, primarily concepts, are used to create social constructions. Concepts can acquire the character of ideological structures, including for convincing numerous groups of the population of the correctness of any ideas. One of the most famous examples of discursive practices and other social constructionist techniques in the 20th century was the Frankfurt Institute for Social Research (known as the Frankfurt School).

Keywords: social constructionism; discursive practices; concepts; "repressive morality"; "one-dimensional man"; "authoritarian personality"; "fascism"; theory of communicative action; Frankfurt school

For citation: Ulianov D.V. Analysis of social constructionism on the example of the Frankfurt School. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):137-141. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-137-141

Современные социальные исследования тесно связаны с исследованиями конструктивистского типа. Сам термин «социальное конструирование» («конструкция») впервые был употреблен в середине 1960-х гг. в совместной работе Питера Бергера и Томаса Лукмана «Трактат по социологии знания» [1]. Социальный конструкционизм — одно из направлений социально-психологи-

ческой теории, изучающей технологии конструирования социальной реальности.

Бергер и Лукманн демонстрировали, каким образом случайное взаимодействие людей делается сконструированным и переходит в ряд шаблонов поведения, нередко обязательных для членов общества. Для всех социализированных людей они становятся «внешними и объективными факторами жизни» [2].

Для создания социальных конструкций могут применяться дискурсивные практики, основанные, в том числе, на пропозиционных структурах (фреймах), образно-схематических структурах, метафорах, метонимиях. При помощи языковых средств политические акторы определяют терминологию, с помощью которой происходит коммуникация с населением. Терминология становится основой для легитимирующей модели, определяющей знания и представления как средства познания социального мира [3].

В рамках социальных конструктов функционируют концепты — способы мышления, а также ряд идей и способы их осуществления [4]. Концепты могут приобретать характер идеологических структур [5], а язык (в том числе язык концептов) — подходящее место для развития идеологии.

Язык в качестве структуры, которая формирует восприятие мира людьми, изучался структуралистами и постструктуралистами, — их интересовало, как он детерминирует возможные мысли и чувства людей. Концепты, используемые, в том числе, в рамках социальных конструктов, присутствуют как в социальных практиках, так и в образе мышления людей в целом.

Вместе с тем существует множество теорий о том, насколько язык силен в формировании мышления людей. Одни из ключевых (как уже было указано ранее) — структуралистские версии, где предпринимается попытка соотнести структуры языка с теми структурами, согласно которым организован наш опыт. Несмотря на то что идеология как фиксированные паттерны мышления не заложена в языке, анализ структур языка проводится с целью сбора информации о власти или идеологии, лежащих в основе культуры, в которой находится определенный язык. То есть язык идеологичен по своей природе, причем настолько, что периодически заставляет людей поддерживать влиятельные группы. Результатом обсуждений этой темы стал более комплексный подход к идеологии, когда культура интерпретируется как место борьбы за власть со стороны различных групп, а не как образ власти правящих классов. Иными словами, культура становится площадкой для создания социальных конструкций, с помощью которых происходит воздействие на сознание населения. Антонио Грамши в «Тюремных те-

традах» охарактеризовал гегемонию власти как способность разнообразных групп убеждать остальных людей в правильности и уместности таких способов мышления, которые соответствуют интересам сохранения неравной доли ресурсов в определенной части общества [6, с. 465].

Грамши повлиял на критическую теорию, возникшую в рамках деятельности Франкфуртского института социальных исследований (также известного как Франкфуртская школа). Под «критической теорией» подразумевалась философски самоочевидная концепция «диалектической критики политической экономии» [7, с. 117]. Макс Хоркхаймер, один из основателей критической теории, определял ее как социальную критику, предназначенную для осуществления социологических изменений и осуществления интеллектуальной эмансипации посредством просвещения, которое не является догматическим [8]. Задачей Франкфуртской школы был социологический анализ и интерпретация областей, которые Маркс не обсуждал в XIX в. [9, с. 21].

Хоркхаймер противопоставлял критическую теорию традиционной. Под термином «теория» понимался способ наблюдения, выводящий обобщающие законы о реальном мире. Социальные науки, в отличие от естественных, не могут основываться на получении знаний из опыта, особенно в условиях действий исследователя в рамках историко-мировоззренческого контекста [10, с. 13]. Социальное конструирование, реализуемое Франкфуртской школой, основывалось на подчеркивании противоречий и негативного характера современности без альтернативного образа будущего, который можно было бы предложить [7, с. 113]. Основа социального конструкционизма в рамках Франкфуртской школы — анализ господствующих в обществе представлений о социальных отношениях с целью демонстрации того, как господствующая идеология формирует трактовку исторических и социальных процессов. История, интерпретируемая господствующими классами, скрывает информацию, как подметил историк-исследователь Франкфуртской школы Мартин Джей [9, с. 21]. Этот тезис тесно перекликается с трактовкой Антонио Грамши о гегемонии власти как способности господствующих социальных групп убеждать население в правильности своих идей.

На Франкфуртскую школу оказал влияние и Вильгельм Райх — единственный ученик Фрейда, который развивал возможности радикальной социальной критики. Именно благодаря этому исследователю ее представители (особенно Теодор Адорно и Герберт Маркузе) изучали такие конструкты, как «фашизм» и «репрессивная мораль». В Книге «Психология масс и фашизм» Райх объяснял появление фашизма подавлением сексуальности, в результате чего, по его мнению, у ребенка развиваются пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, а также доброта и послушание в авторитарном смысле этих слов [11, с. 242]. На основании, в том числе, этих идей Теодор Адорно сформировал концепцию «авторитарной личности». Однако для Райха, в отличие от многих исследователей-франкфуртцев, семья была не способной противостоять государству территорией, а миниатюрным авторитарным государством, готовящим ребенка к дальнейшему подчинению.

Эрих Фромм, ведущий психоаналитик уже непосредственно Франкфуртской школы, скорее соглашался со взглядами Райха, однако не поддерживал недостаток эмпирических данных и чрезмерное внимание к сексуальным вопросам. Концепт «авторитарной личности» Фромм объяснял «бегством от свободы», а также «революционным» и «мазохистским» характером. Люди первого типа обладали силой «я» и стремились самостоятельно распоряжаться своей судьбой, тогда как второго — подчинялись внешним обстоятельствам, в том числе, высшим авторитетам [12]. Последние два концепта были тесно сопряжены с «бегством от свободы». Под ними Фромм подразумевал носителей «протестантской этики» — бережливых, отказывавших себе в удовольствиях и связанных чувством долга представителей мелкой буржуазии, доминировавших в раннем капитализме. При развитии государственно-монополистического капитализма («прогрессивной эры» 1890–1920-х гг.) они сохраняли свою обособленность, а в период Веймарской республики потеряли политическую субъектность и оказались в безысходности. Так Фромм объяснял потребность мелкой буржуазии в сильном лидере и приход национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г.

Другой концепт, рассматриваемый Франкфуртской школой, — «одномерный человек»

Герберта Маркузе, проживающий в «одномерном обществе». Концепция «одномерного общества» критикует «общество потребления». В ее рамках люди принимают себя за потребительские товары для собственного пользования и узнают себя в окружающих их предметах потребления [13]. В «одномерном обществе» нет возможности превращения в аутентичного индивида по причине незнания его членами своих потребностей. Маркузе разделяет потребности на «истинные» (питание, одежда, жилье) и «ложные» (навязываемые индивиду социальными интересами в процессе его подавления). При этом право определения «истинных» и «ложных» потребностей остается за самим индивидом, однако ответ на этот вопрос дол-

Макс Хоркхаймер, один из основателей критической теории, определял ее как социальную критику, предназначенную для осуществления социологических изменений и осуществления интеллектуальной эмансипации посредством просвещения, которое не является догматическим.

жен быть окончательным — когда индивид достигнет достаточного уровня свободы [14]. Таким образом, свобода от материальной нужды в концепции «одномерного человека» была трансформирована в средство для порабощения. На это влияли массовая культура, консюмеризм и капитализм, которые, согласно интерпретации исследователя Франкфуртской школы Стюарта Джеффриса, превращали людей в «умиротворенных, услужливых дурачков» [15, с. 326]. Маркузе оценивает образ жизни своих современников неоднозначно: он препятствует качественным переменам, несмотря на то, что он лучше, чем был когда-либо [16].

Некоторые критики концепции «одномерного человека» (например, профессор-марксист Маршалл Берман) отмечали элитарность автора, а также его негативное отношение к массам и отрицание их политической субъектности — «презрение к современным мужчинам и женщинам» [17]. Тем не менее «Одномерный че-

ловек» стал популярной работой среди «новых левых» 1960-х гг. В 1964 г. после публикации этой книги Маркузе стремился искать замену пролетариату, надеясь найти ее среди «остающихся за бортом демократического процесса», среди «эксплуатируемых и преследуемых» представителей других рас, а также безработных и нетрудоспособных граждан [16].

Попытки найти социальную базу для идей Франкфуртской школы связаны с конструированием социальной реальности Юргеном Хабермасом, критиковавшим ортодоксальный марксизм и считавшим его устаревшим. Философские взгляды Хабермаса отличались от старой Франкфуртской школы по двум пунктам: развитие Просвещения и науки (в отличие от многих франкфуртцев, он поддерживал эту тенденцию) и перспективы развития современного общества (он смотрел с оптимизмом на «одномерное общество» Маркузе) [15, с. 391]. С целью попыток выхода из кризиса «одномерного общества» он разработал теорию коммуникативного действия, где анализировались вопросы его специфики в рамках языка и дискурса как основы социальной обусловленности речевых высказываний. Конечная цель дискурса, в том числе, в рамках дебатов — достижение рационального консенсуса. В отличие от Адорно, Ха-

бермас считал реальными перспективы такого варианта развития событий. Общественное мнение формируется в рамках «публичной сферы», где власть государства находится под публичным наблюдением народа посредством критического и осведомленного дискурса [16]. В настоящее время Хабермас скептически отзывается о возможностях интернета и социальных медиа как публичной сферы из-за манипуляций и искажений вследствие влияния статусов. Также он видит риски устаревания газет из-за распространения интернета (по его мнению, газеты хотя бы иногда могут способствовать созданию «идеальной речевой ситуации», основанной лишь на рациональности) [15, с. 392].

Подводя итоги, можно заключить, что вышеуказанные концепты сформировали основные идеи Франкфуртской школы. Ее представители конструировали социальную реальность, в рамках которой повседневная жизнь могла быть поводом для кардинальных изменений, но стала их противоположностью. Свобода выбора в концепциях Франкфуртской школы существует лишь в «системе подавления» [15, с. 16]. От этого термина, обозначаемого Стюартом Джеффрисом, исходят практически все ее ключевые концепты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in Sociology of knowledge. New York: Penguin Books; 1991. 256 p.
- Lynch M. The Sociology of Science and Social Constructivism. The Routledge Handbook of Social Epistemology. New York: Routledge; 2020.
- Чимирис Е. С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета*. 2020;10 (3):37–43.
Chimiris E. S. Legitimation of power: towards the formulation of an operational model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):37–43. (In Russ.).
- Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный центр; 2021. 304 с.
Lilleker D. Political communication. Key concepts. Kharkiv: Humanitarian Center; 2021. 304 p. (In Russ.).
- Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитарный центр; 2017.
Matison D. Media discourse. Analysis of media texts. Kharkiv: Humanitarian Center; 2017. (In Russ.).
- Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство иностранной литературы; 1959. 564 с.
Gramsci A. Prison notebooks. Moscow: Publishing house of foreign literature; 1959. 564 p. (In Russ.).
- Тёрборн Й. От марксизма к постмарксизму. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики; 2021. 256 с.
Thorborn J. From Marxism to Post-Marxism. Moscow: Higher School of Economics; 2021. 256 p. (In Russ.).
- Geuss R. The Idea of a Critical Theory: Habermas and the Frankfurt school. Cambridge University Press; 1981.
- Jay M. The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research 1923–1950. London: Heinemann; 1973. 382 p.

10. Horkheimer M. Traditional and critical theory. Penguin, Harmondsworth; 1976.
11. Elliott A. The Routledge Companion of Social Theory. London, New York: Routledge; 2009. 352 p.
12. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.; Moscow: Университетская книга; АСТ; 1997.
Reich V. Psychology of masses and fascism. St. Petersburg; Moscow: University book AST; 1997. (In Russ.).
13. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: «Владимир Даль»; 2000.
Marcuse G. Reason and Revolution. Hegel and the formation of social theory. St. Petersburg: “Vladimir Dal”; 2000. (In Russ.).
14. Fromm E. Marx’s Concept of Man. Frederick Ungar Publishing: New York; 1961.
15. Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс; 2021. 448 с.
Jeffreys S. Grand Hotel “Abyss”. Biography of the Frankfurt School. Moscow: Ad Marginem Press; 2021. 448 p. (In Russ.).
16. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Refl-Book; 1994.
Marcuse G. One-dimensional man. Moscow: Refl-Book; 1994. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Владимирович Ульянов — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Dmitry V. Ulianov — 2nd-year Master’s student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8245-3860>

d30091998@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.02.2022; принята к публикации 20.03.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 07.02.2022; accepted for publication on 20.03.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.